

Галина
Мартынова

*Изгнание
плода*

*Эту книгу я посвящаю своему
первенцу Александру.*

Галина
МАРТЫНОВА

Изгнание плода

СТИХИ

г. Петропавловск
2011 год

Петропавловск
Август 2011 г.

Галина МАРТЫНОВА
“ИЗГНАНИЕ ПЛОДА”
СТИХИ

Издательство “Северный Казахстан”, 2011 г.
64 стр.

Верстка и дизайн: Анастасия Рожко

546245

БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА “ПРОВИНЦИЯ”

Выпуск №34

Главный редактор издательства И.И. Моор

Поставлен на учетную регистрацию в Министерстве информации Республики Казахстан. Свидетельство № 8271-Ж, выдано 18 апреля 2007 года. Собственник: ТОО “Издательство “Северный Казахстан”. Выходит один раз в месяц. Тираж 100 экземпляров. Номер отпечатан в типографии ТОО “Издательство “Северный Казахстан”, г. Петропавловск, ул. Театральная, 42.

Адрес редакции: 150001, г. Петропавловск, ул. Кошукова, 5.

© Издательство “Северный Казахстан”, 2011

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА

*«Свободное владение словом - всем -
на мой взгляд, это хороший девиз... Не
для того, чтобы все были художниками,
а для того, чтоб никто не был рабом».*

Дж. Родари

Искренне согласна с автором этих строк.
Я не художник, я только учусь. Чем могу
поделиться с читателем? Жизненный
опыт пока небогат. Но я имею право на
свое видение мира и на свои ошибки.
Буду благодарна моим читателям за их
отзывы.

Галина Мартынова

* * *

Как отложить рождение ребенка.
Что бьёт под сердце ножкою полгода?
Как отложить неотвратимость счастья
И назревающее горе не принять
Со всюю мудростью простого человека?

Так и стихи. Их тоже не отложишь,
Коль не убьёшь.
Роди. Здесь твоего немного.
Что будет, счастье, горе - всё прими
С высокой мудростью простого человека.

* * *

Судьба меня бросала и ломала,
Но я об этом вовсе не скорблю.
Я много вынесла, но это даже мало,
Ведь я люблю тебя - и как люблю!
Перенесу обиды и невзгоды,
Перетерплю и боль, и оскорбления.
Я за тебя пойду в огонь и в воду
И за тебя пойду на преступление.
Ползком взберусь, твои целуя пятки,
На гребни страшных, высоченных гор
И соглашусь без страха и оглядки
На смерть любую, на любой позор.
Уйдёшь - смолчу, утру тихонько слёзы.
Смолчу, хоть трудно будет мне смолчать,
И буду ждать тебя у той берёзы,
Где ты просил другую ждать.
Я буду ждать и с верностью рыбачки
С тоской смотреть на пенную волну...
Но если примешь ты мою любовь собачью,
Я прокляну тебя! Я прокляну.

У моря жду погоды. Примирилась?
В окно вползает жиденький рассвет.
В трельяже троекратно повторилось
Лицо подростка. Мне пятнадцать лет.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

До свидания, школа.
Впереди сто дорог.
Не такой уж весёлый
Наш последний звонок.
Это что-то да значит:
В мир вступая большой,
Кто-то тихо заплачет,
Расставаясь с тобой.
Мы уйдём, обернёмся,
Но наутро, к восьми,
Никогда не вернёмся
В эту школу детьми.
Есть обычай на свете:
В родительский дом
Возвращаются дети
Неприменно пешком.
Не нарушим его мы
Ни сейчас, ни потом.
Как к родимому дому,
К этой школе придём.
Где-нибудь среди пыли
Свой отыщем журнал.
«Вот разбойники были!» -

ВЕСНА-ХУДОЖНИЦА

Расплескала Весна по земле акварели,
Напроказила, в лужи согнав воробьёв.
Потихоньку слетели на землю апрели
И смеются, любуясь твореньем её.
На роскошные краски Весна не скупится,
Мажет солнце по стенам,

а что, мол, жалеть!

Красит в рожицы скучные зимние лица,
И от тысяч веснушек как будто светлей.
В нежно-синее небо белёсое красит,
Начищает до блеска светило: «Гори!»,
Потому что Весна - это всё-таки праздник,
Не полавший ошибкою в календари.
Целый день куролесит Весна-мастерица,
Дарит щедрой рукой, не жалея добра,
Только к вечеру всё же она притомится
И под тонким ледком пролежит до утра...
А с утра снова в бой. Тень гонять

по задворкам,

Стылый сок по стволам

прогреть тополям,

Чтобы двое увидели утренней зорькой.
Как зелёным пожаром займётся земля.

МАЙСКОЕ

Молодым дождям навстречу
Распахну свои объятия -
И пускай вздувает ветер
Вдруг намокнувшее платье.
Пусть трава колени режет,
Я бегу, себя не помня,
И небесный этот скрежет
Словно музыка симфоний.
Чистый лес шумит, смеётся,
Век глядеть - не наглядеться.
Где-то здесь тропинка вьётся,
Убегающая в детство.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОН ЖУАН

У меня дружок Иван -
По деревне Дон Жуан,
Но немножко он чудной:
Если раз прошёл с одной,
То на следующий ищет
Помоложе и почище.
Одержимый любопытством,
Я спросил его с ехидством:
«Почему тебе так любы
Нецелованные губы?».
Он с ответною издевкой
Отвечал: «В округе девки
Все, бесспорно, хороши,
Но скажу я от души:
Краше розы непомятой
Губы девки незанятой,
Не целованной ни разу.
А у той же, что дружила,
Яд в уста змея вложила -
Опасаясь я заразы.
Отступив, скажу, от прозы:
Обожаю губы-розы.
Ну, теперь тебе понятно,

Почему мне так приятно
Эти губы целовать?».
«Что ж тут, Ваня, не понять,
Всем приятно розы мять!».

Не с издевкой, а с издёвкой,
Исправлять теперь неловко,
А тем болсс Иван
Уж давно не Дон Жуан,
Донна Анна — просто Пюра,
Вот такая авантюра.
Сыну вслед кричат сурово:
«К девкам снова? Казанова!».

* * *

У меня любви ещё не было -
Бесконечное ожидание,
Потому так пасмурно небо
И так замкнуто мироздание.
Кто придёт и миры раздвинет?
Кто мою успокоит муку?
Кто же сердце застывшее вынет
И положит на тёплую руку?
Я твой голос слышу повсюду,
Различаю шаги в тиши...
Я не знаю, ты кто и откуда,
Об одном прошу: поспеши.

* * *

Я не верю в любовь, которая
Признаётся с лёгкостью взмаха ресниц,
В любовь, которая азартно портит
Чернила на сотню писем-страниц.
В любовь, которая сочетается
С соловьями и прочими птицами,
Я не верю влюблённым, что шлеются
С похоронно-счастливыми лицами.
Так бы встала и закричала,
Чтоб в продрогшем утреннем городе
От крика дома качало
И деревья в аллеях корчило.
Пусть другая с тобой, я знаю,
Ты проснёшься, криком разбужен,
И увидишь, звезда зажигается,
И тебе это всё-таки нужно.

ОСЕННЕЕ

Лес тоскует пожелтелый.
Паутин вуаль
Закрывает то и дело
Синевы печаль.
Осень жёлтыми глазами
Смотрит со двора.
В ночь осенними шагами
Ты ушёл вчера,
Ты ушёл, а это значит -
Не вернёшься вновь.
Потому так грустно плачет
Дождик проливной.
Ты ушёл, и шалый ветер
Раздевает сад.
Был бы ветер в этот вечер
Нашей встрече рад.
Звёзды высыпали часто,
Как зерно в горсти,
Тихо ты сказал и ясно:
«Не нужна, прости...».
Как отчаянно и слышно
Тишина звонка.
Гулко падал листик с вишни,

546245

Помешав, как третий лишний,
Чтоб мой руки коснулась
Вдруг твоя рука
Поднимал осенний ветер
Листья от земли,
Позабыв про всё на свете,
Жгли мы корабли.
Это осень, злюка-осень,
Разлучает нас.
Почему же ты не спросишь,
Не поднимешь глаз?
Ты уйдёшь. Обидной мукой
Сердце мне сожмёт.
Но скажу я почему-то:
«Ну и пусть идёт».
Всё прошло. Нагую землю
Топит вечер в снег,
Белый сад безмолвно дремлет
В белой тишине.
Боль ушла. Осталась горечь.
Только почему
Пролегла следов цепочка
К сердцу моему?

* * *

Твои поцелуи мне снятся ночами,
Как будто меня океаном качает,
Он нежно в объятия меня заключает,
Ласкает рукою-волной...
И хочется мне с головой погрузиться,
Покорною, слабою вдруг притвориться,
В едином мгновении яростном слиться,
Но вдруг вспоминаю, что всё это снится
И нет тебя рядом со мной.
А днём за делами, «друзьями», заботой
Почти забываю, что нужен был кто-то,
Встречал бы меня этот кто-то с работы,
В кино иногда бы водил.
И стали бы ночи намного короче,
Намного желаннее стали бы ночи,
И в письмах «циклоны» и многоточья
Опять бы мой взгляд находил.
Я вновь засыпаю. Тебя забываю.
Я знаю, теряю - кричи не кричи.
В желании странном,
Во сне полупьяном
Опять с океаном
Целуюсь в ночи.

* * *

«Не нужна». Ну что я медлю?
Жду ещё чего?
Почему не отвечаю
На пощёчину?
Равнодушно соглашаюсь:
Так и надо мне.
Слишком солнечно всё было.
Слишком радостно.
Слишком многого, наверно.
Захотела я.
Согршила и пошила
Платье белое.
Видно, больше прочитала,
Чем хотел сказать,
На своё надеясь сердце,
Я в твоих глазах.
Видно, меньше говорил ты,
Чем я слышала.
Подвело меня сердечко
Никудашнсс.
Потому оно сейчас и разрывается,
Что в него моя обида
Не вмещается.

Вот и всё. На нет сошла любовь.
Мы друг друга долго изводили.
И, попортивши взаимно кровь,
Некрасиво в душах наследили.
И теперь нам нечего терять.
Мы свободны оба, словно ветер,
И не надо больше повторять:
«Он ещё придёт. Ещё не вечер».
Не придёшь. Забыты обещанья.
(Кто им верил, честно говоря).
Письма наши, встречи и прощанья -
Всё развеял ветер сентября.
Главное, пореже вспоминать
Мне - тебя, тебе - меня, наверно.
Главное, потуже завязать
Мне свои истрёпанные нервы.
Дёшево всё, глупо и нелепо.
Не переиграешь, не вернёшь.
Как у Лермонтова. Нищий просит хлеба,
Вместо хлеба камень ты кладёшь.
Сердце растревожилось не зря.
Наша песня явно не допета.
Где-то в середине октября
Всё же ожидаю бабье лето.

* * *

Сказал, не любишь.
Ну и глупо. Очень глупо.
Ты сам не понял, что сейчас сказал.
Я знаю, что тебе нужны
Мои привычки, губы,
Мои капризы и мои глаза.
Сказал, что ты устал
Одни упрёки слышать,
Что надоело ревновать, кляня,
Но серой будет жизнь без этих
ярких вспышек,
Тебе не обойтись без утренней меня.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Стали жестче мы, грубее стали,
Смешит нас старое понятие «любовь».
Но для тебя любовь -
фантом на пьедестале,
А для меня она и боль, и кровь.

Женятся все бывшие друзья,
Видно, гоп-компания распалась,
Вот мы и остались: ты и я,
Только вот с тобой ли я осталась?

А дни, как листья, опадают,
В звездопадах листья тают,
Все смущают-обещают,
Пропадают, пропадают...

В. Т.-Ч.

Мой сын подросток на тебя похож:
Улыбка та же и походка - та же.
Ты где-то рядом в городе живёшь,
О нас порой не вспоминаешь даже.
Ему б шагать с тобой рука в руке...
В библиотеке, где полно людей,
Кормлю его меж книжных стеллажей -
Растёт малыш на вольном молоке.
Наш белокурый ангел так хорош,

Как и мечталось майскими ночами,
Растёт себе без горя и печали,
Не зная про предательство и ложь.
Ты тратишь где-то время и бензин
И с виду бесприютен и безроден.
Горит зелёный огонек такси,
И ты, как и такси, опять «свободен».
Дом, дерево и сын - триумвират:
Родные стены и родная кровь.
Когда-нибудь у сына будет брат
С таким же точно именем - Сандро.

НА ПРИВАЛЕ

Я славлю день рожденья своего.
С утра такое солнце. Месяц август.
И настроенье вроде ничего.
И я сама себе как будто нравлюсь.
Я буду беспричинно хохотать,
А за спиною - крылья пробиваться.
Нет, мне ещё пока не двадцать пять,
Хотя уж далеко не восемнадцать.
Друзей своих за месяц созову,
Что в отпусках они, забыв при этом,
Цветы последние в своём саду сорву
И честно разделю на два букета.
Ведь это ж надо было умудриться
Мне двадцать с лишним августов назад
На братьев день рожденья народиться -
Сестру в подарок получил мой брат.
Друзья в пути. Искромсанный пирог...
Мой немудрёный бал не состоится.
Итог лишь тот, что мне урок не впрок,
А день рожденья - повод приземлиться.
Сегодня день рожденья моего.
С утра такое солнце.
Месяц август.

И настроенье вроде ничего.
И я сама себе как будто нравлюсь.
Года текут - и сколько, что считать,
А рядом Усьва шумная течёт,
А впереди - опасный поворот,
И в жизни много гадости глотать.
Но гадость - что, не в ней же суть,
Она была и есть всегда.
Я видела: большую муть
Вбирала чистая вода - и без следа.
Вот так и мне всё плыть да плыть,
Лениво дно скоблить веслом,
Сейчас за праздничным столом
Хочу я близких не забыть.
Жалко, что нельзя с собой на Усьву
Прихватить их всех,
Чтоб без обид.
Здесь везде такой роскошный вид,
Вспоминать его смогу ль без грусти?
Хорошо. Костёр дымит безбожно,
Здесь, в лесу, покой и благодать.
Город, шум и гам - и всё ничтожно,
Наслаждаться здесь, а там - страдать.
Я хочу без горя и печали
Так свой день рожденья отмечать,

Чтоб друзья шампанским накачали -
И в мешок чертковский положили спать.
Хорошо сидим. Едим картошку.
И тушёный «кот» вполне съедобен.
Наш привал уютен и удобен.
Наливай-ка, Лёша, понемножку.

* * *

Не сердись. Не уходи.
Ночь не кончилась.
Утро будет впереди.
Мне так хочется.
Я с тобой и без тебя
В одиночестве,
Ты брани меня, любя,
Мне так хочется.
Если ты один уйдёшь,
Будет прочих сто,
Мы с тобой, и к чёрту ложь -
Мне так хочется.
А уйдёшь, так не забудь
Все пророчества.
Уходи. Счастливый путь.
Мне так хочется.

ПЕРВОЕ ДЕКАБРЯ

Проплутала где-то нынче зима,
Прогуляла, но пришла точно в срок.
Заблудилась в этот год я сама,
Перепутав десятки дорог.
Я хотела убежать от зимы,
Я хотела у тепла отдохнуть,
Только я частица той кутерьмы,
Ноги сами отправляются в путь.
В райском я сейчас живу уголке,
Всюду праздничные люди снуют,
Но покинул это место уют,
И опять моя тетрадь в рюкзаке.
Поплыву опять по реке,
Поползу с хребта на хребет,
И забрезжит где-то там, вдалеке,
Тот уют, которого нет.
Я найду покой у костра,
В мокрых сапогах - благодать.
Будет есть меня мошकारа,
Стоит ли, товарищ, страдать.
Чем палатка эта не дом,
Чем чужой мешок не постель,
Важно, кто с тобой в доме том,

А комфорт - так это не цель.
Цель за поворотом реки,
Цель - байдарки резаный след,
Просто нет со мною тоски
И покоя нет.
Но за мною следом зима
По воде неслышно идёт.
Видно, я застыла сама -
И на сердце лёд, только лёд.

СОЛОМОНУ АДЛИВАНКИНУ

Вновь весна (которая по счёту)
Кровь мою волнует и пугает.
Все печали прочь, а ну их к чёрту,
Весело по улице шагаю!
Небеса с сосущей синевою,
Воробьиных драк рефрен скандальный,
Дети и деревья над водою,
Чем же этот мир не идеальный?
Торжество весеннее природы,
Что ты нам, незнающим, пророчишь?
То, что быстротечны наши годы?
То, что жизнь назад не поворачишь?
То, что мы уйдём и возвратиться
Вряд ли нам когда-нибудь придётся?
И на наши слёзы и на лица
Тихий снег с небес опять сорвётся.
Вот сугроб, осевший, сиротливый,
Чьи следы последние скрывает?
Мне от этих мыслей не тоскливо,
Весело по улице шагаю!

СЕРГЕЮ ПОГИБЕЛЕВУ

Не смотри в окошко,
Милый друг Серёжка,
Скачет за окошком
Скучный зимний путь.
Ну, а я немножко
Плачу на дорожку,
Это понарошку,
Да и то чуть-чуть.
Ты уже уехал, ты и не узнаешь,
Как меня смертельная загрызёт тоска.
Мало ты, Серёжа, в бабах понимаешь,
От того, наверно, жизнь твоя легка.
Не был ты галантным,
Не был ты влюблённым
И не поддавался чарам местных дев.
Был ты элегантным
И всюю зелёным,
Кое в чём, быть может, в жизни преуспев.
Больше не увидишь этих мест печальных,
Наших женщин скверных
 не рискнёшь любить,
Ты вполне нормальный,
 ты не «аморальный».
Мне тебя, мой мальчик, долго не забыть.

Ты сядешь в поезд голубой -
Мы не увидимся с тобой.
Уходишь ты другой тропой -
Мы не увидимся с тобой.
Качает вас морской прибой -
Мы не увидимся с тобой.
Ты станешь чьей-нибудь судьбой -
Мы не увидимся с тобой.
Жалеть ни я, ни ты не будем,
Переживём - и всё забудем.
Но в самом сладком, добром сне
Под утро ты приснишься мне.

Короткая встреча, и вот уж расстались,
Чтоб больше не видеться, мы.
Зачем мне на горькую память достались
Семнадцать мгновений зимы?

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЧЕЧНИ

Зачем мне так больно?
Кому это нужно?
Кричу я натужно:
«Довольно! Довольно!».
И вновь в неподвижность
Нырнув с головою,
Незрячая - вижу,
Безгласная - вою...
И жуткая бездна,
Война и погоня,
С потуг бесполезных
Потеют ладони.
И дикие рожи,
И хохот утробный,
И лик твой загробный -
И всё же похожий,
Кошмаром кровавым
Растерзана дико,
Проснувшись от крика,
Сижу на кровати.
И в сон провалиться
Смогу через силу,
Как будто в могилу...
Молиться, молиться...

НАЧАЛО

Сумасшедших эпохи застоя
Мы сегодня приветствуем стоя.
Что стоял непреклонен и стоек
Он преддверии всех перестроек,
Он вдвойне уваженья достоин,
Сумасшедший эпохи застоя.
Вас пытались упрятать в психушки.
Всё старались найти вам заглушки,
Но взаправду больны ваши души,
Не нашли в этой жизни отдушин.
Если стену вранья не разрушим,
Не услышат заветного души.
Забастовка. Вот нужное слово.
К ней давно уже сердце готово.
Переполнена чаша терпенья.
И дождался Кузбасс воскресенья.
И нашлись и вожди, и пророки -
Им нужны лишь конкретные сроки.
Тёплым пивом спить вас пытались,
От души бы потом поквитались,
Дармовое! А только не пили!
Может, тоже с ума посходили?
С чёрных лиц зубы скалятся смело:

- Что, друзья-бюрократы, заело?
Мы уходим в бессрочные вахты,
Станут братской могилкою шахты,
Может, нам возвратите сперва
На житьё человечье права?
Они ответа не дождутся,
Уйдут в забой ковать рубли,
А на трибунах засмеются:
И этих «нищих провели».
Кто принародно распинался,
Сейчас не всякий разберёт.
С тех дней, наверно, начинался
Всех чёрных августов черёд.

* * *

Я понимаю, мне не стать поэтом,
До славы тоже мне не дотянуть.
Я понимаю это. И при этом
Я выхожу на этот скользкий путь.
Беру в дорогу все мои сомненья,
Надежду в спутники себе беру.
Все откровенья, взлёты и паденья
И все благоговение к перу.
Даются нам летучие стихи
Гораздо легче «нудной» прозы.
Рифмуешь: розы - грозы, слёзы - грёзы,
А также прочие огрехи и грехи.
И слово куплено бессонными ночами
И болью отзывается в висках,
Но я хочу, чтоб все слова кричали
В моих никем не читанных стихах.

СЕЛЯВИ

Зелёный поезд
Хвостом виляет
Меж гор Кавказских.
Июнь. Сезон.
На настроенье
 вполне виляет
Хмельная чача
И «свой музон».

Ты помнишь Чакви?
Террасы чая,
Турецкий берег -
Рукой подать.
Уже под утро
В вагон вплывает
Пиджак твой чёрный,
В нём эта девушка.

Сухуми. Горы.
У моря танцы.
Орлы-абхазы
Кружили близ.
О, как хотелось
Мне поквитаться,
Но был недёшев
 такой каприз.

Ещё подробность:
Вернулись вместе.
Зачем мне помнить
такой кошмар!

Круиз исчерпан,
К своей невесте
Ты взял билеты
На Павлодар.

ВЫПУСКНИКАМ БПИ-88

(поэма)

Отмучились. Отмаялись. Слезу
Я уроню в порыве истерическом.
Сегодня мы вступили на стезю
На поприще святом - педагогическом.

Хотя сейчас и грустно нам, и скучно,
Простятся наши нестыры тепло,
А Груша та не будет равнодушна,
А облечённо скажет «чижало».

Словно доменная печь,
Сверканув очами,
Заслонив всех нас плечами,
Держит Бельцер речь:

- Мне бы ваши года,
Я б, наверно, тогда
В отдалённый рванула район,
А за вас я горда,
Только страшно, да, да,
Будет в школах сплошной моветон.
Романтика, молодость,

Район отдалённый...
Поснимайте все золото
И ногти не красьте зелёным.

И мы все её замечания
Почтили минутой молчания.

Декан:
- К наукам были равнодушны,
Приказам были непослушны,
И намекаю персонально -
Вели себя «оригинально»,
Но я грехи вам отпущаю
И на прощанье всех прощаю.

Декан утрёт украдкой нос:
- Литфак, конечно, не физвос.

Над кафедрой слезами обессиленная
Вздыхается Майя Васильевна:
- Какой был курс! Их поимённо
В своём оставляю сердце я.
Ко всем была я благосклонна,
Все как родная мне семья!
Вот Вася, наш шалун-проказник,

Подружки Тани! Грустно! Ах!
И только всё же это праздник,
Пусть со слезами на глазах.

Вспорхнёт на кафедру Кузьмич
И там закатит этот спич:
- Да, были на литфаке люди,
Перечислять мы их не будем,
Возмнив себя пупом Земли,
Они безвременно ушли.
Но мы, сплотив свои ряды,
Единой волею тверды,
К вершинам знаний доползём,
Гранит науки догрызём.
Ах, я закончил! Мне пора!
Ура, товарищи! Ура!!!

Последний раз нам плюнет в души
Наманикюренный Милушин.
Слегка погладив свой живот,
Он сладким голосом споёт:
- Я не Г'ождественский, но всё ж
Отчасти на него похож.
И я, как Г'обег'т вам скажу:
Дуг'ного в том не нахожу,
Что за кг'асивые глаза

Четвег'ки ставил в два г'аза.
Хотя Семенова и дуг'а,
И дубом дуб в литег'атуг'е,
Скажу я, не сгущая кг'аски:
Ах, что за пг'елесть эти глазки!
Пог'а пг'изнать нам этот факт,
Что г'азвг'ащает нас литфак!

Декан:

- Вот и наказания вам самые важные:
Книжки читайте и деток не бейте!
Будьте настойчивы, будьте отважны вы,
Что-нибудь вырастет, главное, сейте!

Вы, педагоги, нас простите
И с легким сердцем отпустите.
Дипломы в руки - и в загул!
Пусть вздрогнет город Барнаул!

ЛЮБЛЮ ЗИМУ

Ах, как подушка сладко пахнет
Полузабытым детским сном!
На этажерке кактус чахнет,
И мёрзнет тополь за окном.

Застывший тополь за окошком стонет
И просится в тепло ко мне,
Его протянутые в комнату ладони
Узорным вихрем распластались на окне.

А мне, сидящей в комнате, в тепле,
Сегодня не ноётся и не вяжется
И на окне морозном кажется
Самораспятые тополей.

Тогда крещенских вечеров
Мы принимаем неизбежность,
И нас охватывает нежность
Июньских зоревых костров.

...Опять пропала рукавичка
По всем приметам - на мороз.
Дышу на стекла по привычке...
А кактус всё-таки подрос.

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

«Поезд мчится,
Словно птица,
Поезд мчится и гудит,
И звезда его светится,
Точно птица-жар горит».

С детских лет простая повесть
Не наскучит никогда:
Ты лети, мой быстрый поезд,
Ты гори, моя звезда!

ИЗ СИНЕЙ ТЕТРАДИ

О, моя некрасивая Муза!
Я к тебе прибегаю снова.
Не дают мне рифмы покоя,
Так и пляшут перед глазами,
Но напрасно ищу союза
Тайны ритма и тайны слова.
И бумага чиста под рукою -
Это тяжкое наказание!

* * *

Нескладной девчонкой-подростком
Тыходишь в томительность буден,
Сказав мне по-дружески просто:
«Ну что ж, сачканули и будет!»
Я вновь принимаюсь за дело,
Я строчки рифмую упорно,
А ты ненавязчиво-смело
Мой труд корректируешь чёрный.

* * *

И опять бессонница
В окна мои ломится,
Притворившись полною луной,
Синяя тетрадка
В полном беспорядке -
Время раствориться, слиться с тишиной.

* * *

И результат семи ночей -
Бессонных, белых -
Слова, как груды кирпичей,
Не годных в дело.

* * *

Но не имеешь права замолчать,
Но не имеешь права не ответить.
Вот только на губах твоих печать,
Вот только в голове свистящий ветер.

* * *

Стихи - особая стихия
Из тьмы и тайного огня,
Но эта стихотерапия
Уже не вылечит меня.

* * *

Когда же на бумаге тишь да гладь,
Передохнуть себе не разрешаю:
Опустошаю синюю тетрадь,
Или она меня опустошает?
В ней собраны мои черновики,
Обрывки снов и мыслей, пробы, пробы...
Мне подарил её товарищ, чтобы
В ней жили «гениальные» стихи.

* * *

Вот вроде родился стих -
Продукт усилья и бессилья.
И ты постигнешь в этот миг,
Как к строчкам прирастают крылья.

* * *

А, Муза! Ты с каким попутным ветром?

КОМНАТА № 508

Комната в нашей общаге известная,
Очень уютная, чуточку тесная.

Там проживает компания честная
Миру открытых сердец.

Валя Горбенко - девушка славная,
В деле - исправная, в теле - справная,
Может, кому она и своенравная,
Для нас же - во всём образец.

Валеньке, словно учителю, верим мы
В то, что придётся смириться с потерями,
Валиной меркою жизнь свою меряем,
Куцую, в три пятилеточки, жизнь.
Люба Кулик и Наташа Богданова,
Вы, словно сёстры, нам Богом данные,
Делитесь щедро, столы - дастарханами,
Ну-ка, толпа, навались!

Картошка на сале! Попробуйте -
вкусненько!

Что ж, и попробуем, если запустит нас
В комнату вашу Надежда Капустина,
Строгая, точно сержант.

Вдруг будто в полночь сияние зарева,
Это Елена вошла, Бекузарова,
Она же Премудрая, она же Прекрасная,
Во всех отношениях - Талант.
Что с нами будет, не знаем покуда,
Просто общага — привычное чудо.

* * *

С ладони, пахучей и липкой,
(а кружку держа на весу)
Ты ешь землянику с улыбкой
В алтайском сосновом лесу.
К стволу прислоняюсь в дремоте.
(Из ноченьки в ночь недосып.)
И колют ладошку, щекотят
Твои молодые усы.
Как ловко ушли от погони!
Не нас ли с дороги кричат?
Хвоинки пристали к плечам,
И мелко дрожали ладони...

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ

Осень роскошным букетом
Ляжет к тебе на колени,
Лета последним приветом,
Памятью тёплых мгновений,
В каждом левкое и астре
Явный намёк на потери.
Наши сердечные распри
Можно ромашке поверить.
Пурпурный гладиолус,
Принц одинокий и нежный,
Звёзды, что собраны в колос -
Это разлук неизбежность.
Их мы сорвём - ради шутки?
Эльфов цветы или гномов.
Ты не забудь незабудки,
Целый букет — на ладони.
Самое лучшее средство -
Много надежды и ласки.
С мягким упреком из детства
Смотрят анютины глазки.
Столько тоски без причины.
В позднем цветении — нега.
Пусть постоят георгины -
Так ещё долго до снега.

ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ

Давным-давно, когда люди ещё верили в добро и красоту, когда цветы расцветали для того, чтоб им радовались, когда эхо отвечало каждому биению человеческого сердца, жила высоко в горах девушка. Уже никто не помнит её имени, но от отцов к детям, от детей к внукам передавались легенды о ее необычайной колдовской красоте. В народе её звали Зорянкой. Утром Зорянка уходила высоко в горы встречать приход зари и пела. В эти минуты молчали птицы, замирало эхо и маки поворачивали навстречу этой песне свои нежные головки. Наверное, Зорянка была самой счастливой девушкой на свете, потому что в эти минуты билось в такт её сердцу другое, такое же молодое и сильное - сердце пастуха Ионела.

Но не таким уж безоблачным оказалось их счастье. Приглянулась Зорянка богатому воину, пожелал он, чтобы вошла она полноправной хозяйкой в его роскошные чертоги. Но отправились ни с

чем домой сваты - его посланцы. Напрасно он бросал к ногам красавицы дорогие меха, сыпал жемчугами, добытыми в набегах, напрасно раскладывал перед ней прекраснейшие заморские наряды, которые даже самым модным карпатским щеголихам и во сне не привиделись. Даже не взглянула Зорянка на сказочное это богатство. Спросила, словно плетью обожгла:

- Купить меня хочешь? Красоту купить можно, за семь замков запрятать, только вот сердца не купишь, да и ни в какой темнице не удержишь — улетит птицей вольной. Да и нищ ты в сравнении со мной, и богатство твоё убого в сравнении с моим.

- Что же это за богатство такое диковинное? - насмешливо спросил отвергнутый жених.

- Любящее сердце.

И прошла мимо оцепеневшего от гнева воина, только прошелестел за спиной робкий шепоток толпящихся людей.

Поклялся тогда Велус (так звали во-

ина), что страшно отомстит за оскорбление, вырвет это непокорное сердце и выбросит его собакам! И в знак того, что он не изменит своему слову, отрубил он себе по локоть левую руку.

В ту же ночь сжёг Велус деревню пастуха Ионела, не пощадил ни женщин, ни детей. Спасся только один Ионел, потому что перегонял в это время стадо на новое пастбище.

Всюду преследовала влюблённых месть Велуса. Погибли под его кинжалом родные Зорянки. Но ни тени страха и раскаяния не увидел Ионел в глазах любимой.

В этот год с гор сошла чудовищная лавина. Она погребла целые селения. Тогда, сжигаемый жаждой мщения, Велус объявил, что Зорянка - колдунья. Своими песнями и преступной красотой она прогневала богов, и они за это послали смертельное бедствие горцам. И люди, озлобленные горем, поверили ему.

Страшная участь постигла влюблённых. Повсюду их встречали камнями и

спускали на них цепных псов. Не до песен стало Зорянке.

Однажды дождливой осенней ночью в дверь их бедной лачуги постучался гонец от Велуса. Он передал условия опозоренного жениха. Зорянка сама должна теперь прийти к нему, и он ещё подумает - сделать её женой или наложницей. В случае неповиновения ей и Ионелу грозила мучительная смерть.

Гонец ушёл, а пастух посмотрел своей возлюбленной в глаза, но в них по-прежнему не было ни страха, ни раскаяния, а только любовь и, быть может, капелька грусти. А утром Зорянка сказала:

- Любимый! Велус требует моё тело. Но тело нельзя отделить от сердца, а моё сердце принадлежит тебе.

В это утро они впервые за осень поднялись на самую высокую скалу, чтобы встретить рассвет. Впервые за много дней Зорянка запела, и при звуках её голоса в мертвых сёлах открывались ставни домов и люди говорили:

- Слушайте! Это поёт наша Зорянка. Разве колдунья может так петь?

А когда солнце коснулось своим огненным краем вершины скалы, песня оборвалась на самой высокой ноте, и влюбленные, взявшись за руки, подобно двум ласточкам, бросились вниз, туда, где, извиваясь черной змеёй, рокотал горный поток.

Скала была так высока, что, пока они летели, наступила ночь, и их тела светились, точно метеориты, разрезая густую тьму, а где-то девушки загадывали желания, глядя на их полёт.

Их тела разбились об острые камни, превратились в огненные искры, искры унесло потоком, а сердца, словно две звезды, остались лежать на дне. И на этом месте забили два ключа. Их вода была прозрачной и солёной, как слёзы.

Говорят, на третью ночь пастухи видели, как к реке спустился однорукий человек. Он долго смотрел в воду, а потом бросился с кручи вниз. Но река не приняла его. Тело его волной выбросило на берег, и оно лежало там до тех пор, пока его не растащили горные шакалы.

Ещё говорят, если встать незадолго до рассвета и подняться в горы, то можно услышать песню Зорянки. Её сохранило эхо. Она звучит гимном Любви, как призыв: «Люди! Берегите Любовь! Любите красиво».

СОДЕРЖАНИЕ

«Как отложить рождение ребёнка...»	6
«Судьба меня бросала и ломала...»	7
Последний звонок	8
Весна-художница	10
Майское	11
«Мой край богат...»	12
Деревенский Дон Жуан	13
«У меня любви ещё не было...»	15
«Я не верю в любовь...»	16
Осеннее	17
«Твои поцелуи мне снятся ночами...»	19
«Не нужна...»	20
«Вот и всё...»	21
«Сказал, не любишь...»	22
Простая история	23
В. Т.-Ч.	24
На привале	26
«Не сердись...»	29
Первое декабря	30
Соломону Аддиванкину	32
Сергею Погибелеву	33
«Ты сядешь в поезд голубой...»	34
Предчувствие Чечни	35

Начало.....	36
«Я понимаю...».....	38
Селяви.....	39
Выпускникам БПИ-88.....	41
Люблю зиму.....	45
Первое стихотворение.....	46
Из синей тетради.....	47
Комната №508.....	50
«С ладони...».....	52
Цветы запоздалые.....	53
Легенда о любви.....	54